

EXORCIST

ШЁПОТ НА ПЕПЛЕ

ЧАСТЬ I

АРТЁМ АМОРАЛЬНЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Аморальный

**EXORCIST: Шёпот
на Пепле. 1 часть**

«Автор»

2026

Аморальный А.

EXORCIST: Шёпот на Пепле. 1 часть / А. Аморальный —
«Автор», 2026

Падение в тьму, где справедливость пахнет кровью. Шёпот на Пепле:
рождение Призрака в огне мести.

© Аморальный А., 2026

© Автор, 2026

Артём Аморальный

EXORCIST: Шёпот на Пепле. 1 часть

ГЛАВА 1: Хлебная Проблема

Идя по пустой ночной улице, я решил зайти в булочную. Воздух был прохладен и прозрачен, и лишь едва редкие фонари нарушали безмолвие спящего города. Дверь булочной отворилась с тихим звонком, и меня окутал густой, согревающий душу запах свежего хлеба.

Пока я разглядывал ассортимент, за прилавком поднялась девушка. Лет двадцати, с серебристыми волосами, спадавшими на плечи. На щеке у нее темнела родинка в форме сердечка, а глаза были зелёные, как летняя листва. Она улыбнулась, и взгляд её светился такой искренней радостью, будто я был не случайным ночным покупателем, а долгожданным гостем.

– Здравствуйте, вам что-то подсказать? – голос оказался таким же тёплым, как и улыбка.

Я на секунду задержался на её лице, потом тоже улыбнулся в ответ.

– Здравствуйте. Дайте, пожалуйста, буханку тёмного хлеба с семечками.

– Сейчас. – Её улыбка стала ещё мягче.

Она ловко, почти бережно, упаковала хлеб в бумажный пакет и поставила на кассу. Я уже протягивал руку с деньгами, как дверь с резким, тревожным звонком распахнулась. В булочную, нарушая тишину и покой, ввалилась группа подростков – громких, пьяных, развязных. От них пахло перегаром, который, казалось, можно было почувствовать даже на другом конце города.

– Ленусик, мы пришли! – прохрипел один из них, размахивая полупустой бутылкой.

Я, опешив, поспешно швырнул на прилавок монеты, схватил пакет и, пробормотав: «Спасибо...», – кивнул девушке. Сделав шаг к выходу, я наткнулся на двоих, преградивших путь. Высокие, пьяные, они смотрели на меня пустыми, тусклыми глазами.

Один из них, с проколотой бровью, тяжело дышал мне в лицо.

– Куда спешишь, дружок? – его голос был хриплым и нарочито грубым.

По спине пробежал холодок. В кармане я судорожно сжал ключи – жалкое оружие против этой пьяной стаи. Мысли путались: драться с ними – всё равно что идти на таран в старой легковушке.

– Отстаньте от него.

Голос за кассой прозвучал неожиданно твёрдо. Все, включая меня, повернулись к девушке. Улыбка с её лица исчезла без следа. Зелёные глаза, ещё минуту назад напоминавшие летнюю листву, стали холодными и колючими, как острые осколки льда.

– Он вам ничего не сделал. Дайте ему пройти.

– Ой, Ленка, защитника нашла? – засмеялся тот, что с бутылкой. – Мы просто познакомиться хотели. Правда, пацаны?

Его товарищи ответили тупым, пьяным хохотом. Парень с проколотой бровью толкнул меня плечом. Я отшатнулся, упираясь спиной в стеллаж с батонами.

И тогда Лена сделала нечто. Она не закричала, не стала угрожать. Она лишь тяжело вздохнула и окинула всю эту компанию взглядом, полным такого ледяного презрения, что даже у этих обормней пробежала по спине неуверенность.

– Вань, – тихо, но очень чётко произнесла она, глядя на парня с бутылкой. – Ты сейчас уйдёшь. И уведёшь этих обезьян. Или я позвоню брату и расскажу, где ты ищешь приключения. И чем занимаешься вместо учёбы. Думаешь, он обрадуется?

Имя «Вань» прозвучало как приговор. Ухмылка с его лица сползла мгновенно. Он даже выпрямился, отчего бутылка в его руке показалась ещё более нелепой.

– Лена, да мы же просто...

– Выйти. Или нет? – она уже достала телефон, и яркий свет экрана осветил её решительное, обострившееся лицо.

Ван заёрзал, бросил на приятелей взгляд, полный досады и страха.

– Да ладно вам, тормозите... Пошли отсюда, – буркнул он и, пошатываясь, первым направился к выходу.

Его товарищи, моментально сдвинувшись и потеряв весь свой настрой, покорно потопали за ним, словно стая непослушных щенков. Дверь закрылась с тем же звонком, и в булочной снова воцарилась тишина. Лишь едкий запах дешёвого алкоголя и одеколона медленно растворялся в сладком аромате свежей выпечки.

Я не мог вымолвить ни слова, всё ещё прижимая к груди помятый пакет с тёплым хлебом.

Лена снова посмотрела на меня. Лёд в её глазах растаял, сменившись лёгкой усталостью и даже смущением.

– Простите за них, – тихо сказала она. – Это... соседи. Знают, что я здесь по ночам подрабатываю. Любят внимание позлить.

– Вы... Вы уверены, что всё в порядке? – наконец выдавил я. – Они могут вернуться.

Она слабо улыбнулась.

– Не вернутся. Брат у меня и правда... очень убедительный. Спасибо, что проявили участие.

Между нами повисла неловкая пауза. Я понимал, что должен уйти, дать ей успокоиться, но ноги будто вросли в пол.

– Может, я всё-таки оплачу этот хлеб? – спросил я, вспомнив, что в суматохе просто швырнул монеты на прилавок.

Она снова рассмеялась, и на этот раз её смех был похож на тот, что я слышал, заходя сюда, – лёгкий и радостный.

– Давайте-ка я вам новую булку заверну. Эта, наверное, вся помялась.

И в тот момент, глядя на то, как её серебристые волосы падают на щёки, а ловкие пальцы заворачивают в чистую бумагу свежий, душистый каравай, я понял, что моя ночная прогулка далека от завершения.

Помахав ей на прощание и пробормотав ещё одно смущённое «спасибо», я вышел на улицу. Воздух, прежде просто прохладный, теперь казался ледяным. Я сунул руки в карманы и, стараясь поскорее оставить эту тревожную историю позади, зашагал быстрее, вставив в уши наушники. Звуки музыки должны были успокоить взбудораженные нервы, и я, не сдерживаясь, начал тихо напевать в такт шагам, целиком погружаясь в ритм. Я не заметил, как из-за угла, прижавшись к стенам, выскользнули несколько теней.

Я не услышал за спиной сбивчивых, быстрых шагов. Резкий, подлый удар пришёлся по ногам. Я полетел вперёд, грузно шлёпнувшись в огромную, холодную лужу у обочины. Вода и грязь мгновенно пропитали рубашку и брюки. Пакет с хлебом, та самая, только что бережно завернутая Леной буханка, выскользнул из рук и упал в ту же грязь, став таким же мятым и жалким, как я сам.

Из одного наушника с шипением доносился припев. Задыхаясь от неожиданности и пронзительной боли в колене, я попытался оттолкнуться от мокрого асфальта и повернул голову. Надо мной, перекрывая тусклый свет фонаря, стояла та самая кучка пьяных подростков. Ванька с бутылкой ухмылялся, а его высокий друг с проколотой бровью теперь с глумливым удовлетворением смотрел на результат своего подлого толчка.

– Ну что, певец, хорошо поёшь? – сипло процедил он, наступая ногой на мой помятый пакет. Хруст свежего хлеба прозвучал прискорбно громко. – Думал, просто так уйдёшь? Нашу Ленку напугал, теперь мы тебя пугнем.

Они сомкнули круг, отрезав путь к отступлению. Задница мерзко леденела в холодной воде, а по спине пробежала знакомая волна страха, на этот раз густая и липкая, как эта лужа. Я

беспомощно оглядел их лица, ища хоть каплю здравого смысла, но видел только тупую, пьяную агрессию.

Из кармана джинсов у меня торчала связка ключей. Я медленно, стараясь не привлекать внимания, стал просовывать пальцы между ними, чтобы зажать в кулаке самый крупный, с острыми гранями. Жалкое оружие против толпы, но лучше, чем ничего.

– Вставать будешь, умник? – один из них сделал шаг вперёд, замахиваясь для пинка.

И тут сзади них, из темноты, раздался резкий, пронзительный звук – автомобильный клаксон, загудевший не умолкая. Свет мощных фар, как прожекторы, ослепил всех, высветив на тёмной улице наши фигуры – застывшую сцену насилия.

Все, включая меня, зажмурились и повернулись на свет. Силуэт машины был тёмным и массивным. Водительское окно медленно опустилось.

– Эй, пацаны! – раздался из окна низкий, властный мужской голос, не терпящий возражений. – У вас проблемы?

Подростки замерли в нерешительности. Их пьяная бравада мгновенно испарилась под этим взрослым, уверенным тоном.

– Да мы так... просто разговариваем, – пробормотал Ванька, пытаясь разглядеть, кто в машине.

– Разговор окончен, – голос был спокоен, но в нём чувствовалась такая сталь, что спорить было бессмысленно. – По домам. Быстро. И чтобы я вас больше тут не видел.

Они постояли секунду, переглянулись и, бросив на меня последние злобные взгляды, нехотя поплелись прочь, стараясь сохранить подобие уверенности в походке.

Фары машины всё так же слепили меня. Я с трудом поднялся с колен, весь мокрый и грязный, стараясь отряхнуться. Сердце колотилось где-то в горле. Окно машины окончательно опустилось, и я смог разглядеть водителя – мужчину лет сорока с жёстким, но не злым лицом.

– Садись, подброшу, – сказал он без предисловий. – Видел, как они за тобой увязались у булочной. Решил проследить. В этой округе с ними одни проблемы.

Я молча кивнул, подобрал свой безнадежно испорченный хлеб и, прихрамывая, пошёл к машине. Моя ночная прогулка явно приняла такой поворот, о котором я и подумать не мог. И единственной мыслью в голове, заглушающей боль и унижение, было: «А Лена... она точно в порядке?»

Дверца грузно захлопнулась, отсекая меня от ночи и её угроз. Я оказался в просторном салоне, который пах кожей, табаком и чем-то металлическим. Снаружи машина казалась огромной и брутальной, внутри же она была аскетичной и суровой, как кабинет дальнбойщика.

– Куда тебе? – спросил мужчина, закуривая очередную сигарету. Его голос был низким и хриплым от дыма.

Я немного занервничал, сжимая в руках мятую булку.

– Улица Колесникова, 36А, – быстро выпалил я, отворачиваясь к темному стеклу, будто надеясь раствориться в этой темноте.

Мы поехали молча. Только мотор урчал где-то глубоко под капотом, а пепел от его сигареты осыпался на поднос. Внезапно он одной рукой, не отрывая взгляда от дороги, протянул мне смятую визитку.

– Держи. Парня Никитой звать, – бросил он коротко. – Поможет изменить твоё положение. Разберётся с теми ребятами, если что. Умеет он такое.

Я взял карточку. Это была дешёвая бумажная визитка, а точнее – наклейка, криво прилепленная на обычную карточку из рекламного буклета. Я машинально отклеил её и увидел, что на ней напечатана реклама какой-то парикмахерской «У Елены». На это я не обратил особого внимания, перевернув наклейку – на ней был лишь скупой напечатанный номер телефона и имя «Никита».

Вскоре мы подъехали к моему дому. Он затормозил, и тишина в салоне стала оглушительной.

– Ну, будь, – сказал мужчина, повернувшись ко мне. Его лицо в тени светофора казалось высеченным из камня. – Как зовут-то хоть?

– Игорь... – тихо ответил я.

– Повезло тебе сегодня, Игорь. Не всегда ночные прогулки так заканчиваются. Удачи.

Я выскочил из машины, пробормотал «спасибо» и почти бегом бросился в знакомый подъезд, не оборачиваясь, пока сзади не заурчал и не умолк двигатель.

В подъезде пахло привычной сыростью и щелочным мылом. Я прислонился спиной к холодной стене лифта, пытаясь перевести дух. Сердце всё ещё отчаянно колотилось, выбивая ритм тревоги. В руке я сжимал ту самую наклейку с номером Никиты, а в другой – безнадёжно испорченный хлеб, символ провалившегося вечера.

Дома, под ярким светом кухонной лампы, я наконец рассмотрел «визитку». Реклама парикмахерской была самой обычной: «Стрижки, окрашивание, вечерние причёски. Мастер Елена». И тут до меня дошло. Лена. Та самая девушка из булочной. Это было её место работы днём? Или просто совпадение?

А номер Никиты... Кто он? Её тот самый грозный брат? Или кто-то другой? И почему этот мужчина дал мне именно этот, зачем-то замаскированный номер?

Я положил смятый листок на стол рядом с грязной булкой. Вся эта ситуация уже не казалась просто стечением обстоятельств. Это было похоже на первую главу из какого-то странного романа, где булочные, серебристые волосы, пьяные подростки и таинственные незнакомцы в больших машинах были связаны в один тугой узел.

Я посмотрел на номер телефона. Звонить? Спросить: «Здравствуйте, вам меня сегодня в луже спасли, я по поводу «изменить свое положение»?» Звучало как бред.

Но почему-то я не выбросил бумажку. Я аккуратно положил её в ящик стола. Где-то там, в ночном городе, была девушка с глазами цвета лета и родинкой-сердечком, которая могла попасть в беду из-за меня. И где-то был человек по имени Никита, который «умеет разбираться».

Я понял, что моя ночная прогулка закончилась, но что-то только началось. И завтра мне придётся снова зайти в ту булочную. Просто чтобы убедиться, что с ней всё в порядке. Просто чтобы купить хлеб.

ГЛАВА 2: Одиночество обеспечено

Проснулся я в тишине. В той самой гнетущей, абсолютной тишине, что бывает только в совершенно пустой квартире, где даже стены, кажется, затаились и не дышат. Первое, что упёрлось в глаза – скомканная визитка на прикроватном столике. «Никита». Снова это имя.

Мысль позвонить мелькнула и погасла, словно слабая искра на сырых дровах. Во-первых, не хотелось. Ввязываться в сомнительные истории с полуночными незнакомцами – не в моих правилах. А во-вторых, не смог бы, даже если б отчаянно захотел. Сим-карту я вышвырнул ещё неделю назад. Довели: банки с их вечными долгами, да эти призрачные мошенники, шепчущие в трубку о «работе кладмэном».

С трудом оторвался от промятой кровати, побрёл в ванную. Ледяные брызги в лицо прояснили сознание, но не смогли смыть тяжёлую поволоку усталости. Родителей не было уже два года – взяли и уехали, словно случайные гости, оставив меня на попечение бабушки. А теперь и бабушка доживала свой век в больничной палате. И я остался один – в этой слишком просторной, оглушающе безмолвной трёшке.

Зарабатывал копейки – работал удалённо в техподдержке. Двенадцати тысяч едва хватало, если питаться одним лишь воздухом и не вспоминать о старых кредитах. Друзей не было.

Девушки – и подавно. Все, кто появлялся, рано или поздно оказывались не теми, за кого себя выдавали. Сплошные личины и предательство.

На кухне, движимый привычкой, поджарил яичницу. Съел прямо со сковороды, заодно собирая сумку в больницу – бабушке нужно было передать чистые вещи и немного её унылой диетической еды. Этот ежедневный визит был единственным ритуалом, что придавал дню призрачный смысл. Единственной нитью, связывающей с внешним миром.

Поездка в автобусе оказалась долгой и раздражающе обыденной. Он трясся по ухабистой дороге, пропахший затхлостью и чужими телами. Я смотрел в запотевшее стекло, за которым плыл серый, безрадостный город. Каждый поворот, каждое знакомое здание неумолимо приближали меня к тому единственному месту, где меня ещё ждали. Где меня по-настоящему хотели видеть.

Больница встретила меня унылым, облупившимся фасадом. Старое, довоенной постройки здание, насквозь пропитанное запахом антисептиков, отчаяния и тленной надежды. Ещё издалека, подходя к воротам, я поднял глаза к окну на третьем этаже. Там, в палате № 312, у самого стекла всегда стояла кровать моей бабушки. И она, зная, что я прихожу в это время, неизменно ждала, опираясь на подушки, и махала своей худой, иссечённой венами рукой. Это был наш маленький, никем не видимый ритуал. Наш маяк.

Но сейчас окно было пустым. Штора отдернута, подушки смяты, а пространство у стекла заполняла лишь безжизненная пустота. Сердце ёкнуло с неприятной, леденящей тяжестью. «Отвезли на процедуры», – автоматически попытался я успокоить себя, ускоряя шаг.

Внутри больница встретила своим привычным гулким хаосом – голосами из динамика, скрипом каталок, приглушёнными стонами. Я почти бежал по длинному, бесконечному коридору, сжимая в потной руке сумку с передачкой. Дверь в №312 была приоткрыта. Я заглянул внутрь, уже готовый выдохнуть: «Ба, я пришёл!».

Но кровать была пуста. Застелена чистейшим, жутко накрахмаленным бельём, без единой складки. Рядом не стояли её стоптанные тапочки, не висело на спинке стула старенькое ситцевое платье. Воздух был мёртвым и стерильным.

«Перевели...» – бессвязно пронеслось в голове.

Я обернулся и почти наткнулся на медсестру – ту самую, всегда суровую, с умными уставшими глазами.

– Анна Петровна, а где... где моя бабушка? – голос прозвучал чужим, сдавленным.

Медсестра посмотрела на меня. И в её взгляде, обычно таком твёрдом, я увидел то, от чего кровь мгновенно стыла в жилах. Невыносимую, горькую жалость.

– Игорь... – она тихо положила руку мне на плечо. Её прикосновение было тяжелым, как камень. – Мы тебя весь день пытались найти. Ты не отвечал на звонок...

Она сделала паузу, чтобы набраться сил, и произнесла слова, навсегда разделившие мою жизнь на «до» и «после».

– Сердце у неё остановилось сегодня утром. Тихо, во сне. Она не мучилась. Прости.

Мир перевернулся и рухнул. Звуки коридора – голоса, шаги, гудки аппаратуры – утонули в оглушительном, давящем гуле. Я не закричал, не упал. Просто застыл, чувствуя, как внутри всё медленно и необратимо разламывается на миллионы острых осколков. Слёзы выступили на глазах сами собой, горячие и беззвучные, заливая всё лицо. Я не верил. Этого не могло быть. Не могло.

Я не помнил, как оказался дома. Дверь квартиры захлопнулась с тем окончательным, бесповоротным звуком, который отныне означал только одно: конец. Полная, абсолютная тишина. Та самая, утренняя, но теперь она была иной. Она стала вечной.

Я стоял посреди гостиной, там, где она всегда вязала свои носки и шарфы, смотрела сериалы и ждала меня с работы. И эта тишина давила на виски, сводила с ума. Она кричала о том, что её больше нет. Никогда не будет.

Сначала я просто рухнул на колени. А потом – с тихим, животным стоном, исходившим из самой глубины разорванной души – начал бить кулаком по полу. По этим старым скрипучим доскам, под которыми теперь зияла пустота. Один удар. Другой. Третий. Доски поддались с сухим, костлявым треском. Я не останавливался, с рёвом и слезами раздирал их руками, отрывал, ломал, швырял об стену. Пыль поднялась столбом, смешиваясь со слезами и слюной на моём лице.

Я сидел на коленях в зияющем проломе, среди щепок и обломков своего прошлого, и смотрел в чёрную дыру под полом. Туда, в холод и пыль. И наконец осознал. Окончательно и бесповоротно.

Это был конец. Конец всего.

Я остался совершенно один. Навсегда.

И тишина вокруг была теперь не просто отсутствием звука. Она была могилой. Моей могилой при жизни.

ГЛАВА 3: Лига Отчаяния

Прошло три дня.

Три дня, что слились в одно сплошное, безвоздушное пятно. Я не выходил, не включал свет, не прикасался к зияющей ране на полу. Лежал на его краю и вглядывался в трещины на потолке, будто мог прочесть в них ответ. Одиночество стало физическим – тяжёлый, свинцовый слиток в груди, под рёбрами. Оно заполнило всё, вытеснив даже боль, оставив лишь гулку, безразличную пустоту. Мысль прожить так ещё хотя бы день вызывала приступ тошноты.

В этом отчаянии, почти на автомате, я отыскал старую, давно забытую сим-карту, вставил её в телефон. Первым и единственным звонком стал тот самый номер. С загадочной наклейки.

Ответили почти мгновенно.

– Алло? – голос был ровным, без эмоций.

– Это Никита? – мой собственный голос прозвучал сипло и чуждо. – Мне дал ваш номер... один человек. В большой машине.

На том конце провода – короткая, взвешивающая пауза.

– Понимаю. Встретимся. Сегодня, в полночь, на пустыре за старым металлургическим. Не опаздывай.

Я не стал спрашивать, зачем. Мне было всё равно.

Ночь была холодной и беззвёздной, будто вымершей. Я пришёл на указанное место. Из мрака бесшумно выплыл тот самый чёрный внедорожник. Из него вышел не мой прошлый спаситель, а другой мужчина, в тёмной, облегающей одежде. Без лишних слов он протянул мне плотную чёрную тканевую маску.

– Надень. Правила.

Я безропотно надел её. Мир погрузился в слепую, бархатную тьму. Меня втокнули на заднее сиденье, и мы поехали. Я не пытался считать повороты. Какая разница? Лишь бы подальше от той могильной тишины, что осталась дома.

Машина остановилась. Меня вывели и повели за руку. Воздух сменился – теперь он пах ржавчиной, остывшим маслом и сырым бетоном. Мы были в подземелье или заброшенном цеху. С меня сняли маску.

Я оказался в обширном бетонном зале, погружённом в полумрак аварийных ламп. Вокруг, прислонившись к стенам или сидя на ящиках из-под патронов, стояли люди. Разного возраста и сложения, но с одним и тем же выжженным взглядом – пустым, как после долгой войны. И в этом взгляде я с жутким узнаванием увидел своё собственное отражение.

В центре зала, отдельно от других, стояла высокая, худая женщина. Её лицо скрывали тени, но я кожей чувствовал её пронзительный, сканирующий взгляд.

– Его привёл Сторож? – её голос был тихим, но резал гулкую тишину, как лезвие.

– Да, Тень, – отозвался мой провожатый.

Женщина по имени Тень сделала несколько бесшумных шагов ко мне. Она обошла меня кругом, изучая, будто неодушевлённый предмет.

– Он опустошён. Потерял всё. Идеальный сосуд, – произнесла она, обращаясь уже ко всем собравшимся. – Мы – последний рубеж. Там, где закон слеп, а справедливость спит, мы становимся её мечом. Мы находим тех, кого система предпочитает не замечать. Охотников на беззащитных. Насильников. Убийц, что прячутся в тени благополучия. Мы находим их. И мы приводим приговор в исполнение.

Она снова остановилась передо мной.

– Наши методы не для слабых. Это не игра в героев. Это грязная работа, после которой моются не только руки. Но у тебя, я вижу, душу уже нечем пачкать.

Она протянула руку, и один из людей вручил ей длинный, тактический фонарь. Она щёлкнула выключателем, и ослепительный луч, холодный и жёсткий, упёрся мне прямо в лицо, заставляя зажмуриться.

– Последний вопрос. Ты хочешь присоединиться? – спросила Тень. – Хочешь направить свою боль, свой гнев, всю эту пустоту внутри на что-то реальное? Мы не вернём тебе прошлое. Но мы дадим цель. Пусть самую тёмную из всех возможных.

Я стоял, ослепляемым светом, чувствуя его тепло на коже. Вспоминал пустое окно в больнице. Зияющий пролом в полу. Давящую тишину, что стала единственным ответом на все мои вопросы. Вся моя жизнь, всё отчаяние кричало в этот момент одним-единственным словом.

– Да, – это был не голос, а хриплый выдох, полный капитуляции и решимости одновременно. – Я хочу.

Тень кивнула, и луч погас, снова погрузив её черты в спасительную тьму.

– Тогда добро пожаловать в «Группировку Экзорцист». Мы не изгоняем демонов из людей. – Её губы тронула холодная улыбка. – Мы изгоняем людей, которые стали демонами. И у нас как раз есть одна работа.

Мои первые впечатления в сыром подzemелье постепенно обретали четкие, почти воинственные очертания. Я стоял, стараясь скрыть дрожь в коленях – от холода, пронизывающего до костей, и от сдавливающего горло нервного напряжения – и впитывал каждую деталь этого нового, пугающего мира.

Иерархия здесь прослеживалась сразу, даже в молчании. Основная группа – человек двадцать – носила практичную, неброскую униформу: темные, облегающие джоггеры и бесшумные кроссовки, созданные для скорости и тени. На их толстовках и футболках алела простая, но бросающаяся в глаза вышивка: «ЭКЗОРЦИСТ». Но самое жуткое – их лица. Они были скрыты за масками не из ткани, а словно сплетенными из плотного, пепельного материала, без прорезей, оставляющими лишь смутный, нечитаемый контур. Безликая, безгласая армия, чьи взгляды я чувствовал на своей коже.

И над ними – Тени. Их было четверо, словно столпы этого мрачного храма. Длинные, ниспадающие тёмные плащи с глубокими капюшонами, наброшенными так, что внутри скрывалась лишь непроглядная тьма. Они не суетились, не произносили лишних слов. Они были живым воплощением приговора, который эта группа выносила миру, – холодным, неумолимым и окончательным.

Никита, мой проводник в этот ад, тронул меня за локоть и жестом повёл к ряду матово поблёскивавших металлических шкафов. Он был одет как все «рядовые» – в тёмную спортивную форму и серую маску, но по его сдержанной, экономной пластике я уже начинал узнавать его.

– Переоденься, – его голос из-под маски звучал приглушённо и без эмоций, как скрип ржавой двери.

Он вручил мне сложенный комплект одежды – те самые чёрные джоггеры и толстовку с кроваво-красной надписью. Вещи были новыми, от них пахло заводской химией и чем-то чужим. Затем – ту самую серую маску, на ощупь грубую и холодную, и пару лёгких, бесшумных кроссовок.

– Документы, ключи, телефон, – он протянул открытую ладонь. – Всё, что связывает с прошлой жизнью. Имя тоже оставь там. Пока ты – никто. Позже, если заслужишь, получишь новое.

Я безропотно, почти с облегчением, отдал ему ключи от пустой, ничего не значащей теперь квартиры и потрёпанный, никому не нужный паспорт. Это было подозрительно легко, словно я сбрасывал с себя старую, мёртвую кожу, которая давно уже стала мне не по размеру.

Начался «обряд посвящения». Если это можно было так назвать. Никаких торжественных клятв или пышных ритуалов. Лишь Никита подвел меня к старой, закопчённой бочке, где тлели какие-то бумаги, отбрасывая на стены прыгающие, дьявольские тени.

– Брось, – коротко кивнул он на мои вещи.

Я бросил паспорт в огонь и наблюдал, как пламя жадно лижет пластик, сморщивая и черня фотографию, на которой когда-то улыбался другой человек. Игорь. Он сгорал за несколько секунд, и в этот миг я не почувствовал ни боли, ни тоски. Лишь странное, ледяное освобождение. Это была не потеря, а акт очищения.

И вот я стоял среди них. Один из многих в серой, безликой маске и с алым клеймом на груди. Никита стал моим единственным якорем в этом новом, безумном мире. Он шепотом, отрывисто, объяснял неписанные правила, показывал, как проверить связку ключей на следящие устройства, как двигаться, чтобы не нарушать тишину. В этом аду обретенной цели он стал больше чем наставником – он стал единственным подобием связи с реальностью, призраком дружбы в мире призраков.

Внезапно, без предупреждения, Тень, та самая женщина в плаще, вышла на середину зала. Её голос, тихий и властный, прорезал гул генератора, как стальной провод.

– Задание. Цель – человек по кличке «Молот». Доказательства собраны. Приговор утвержден. Команды: «Альфа» – зачистка подъезда. «Бета» – блокпост на улице. «Дельта» – проникновение и исполнение. По местам. Люди в масках, без единого слова, будто управляемые одной волей, начали двигаться, сливаясь в заранее определённые группы. Никита коротко толкнул меня в плечо.

– Мы в «Дельте». Идём. Пора работать.

И я пошел. Не Игорь, не внук, не одинокий парень с долгами. А пустота в маске. Оружие в чужих руках. Новый Экзорцист, чья война только началась.

ГЛАВА 4: Первая Кровь

Мы мчались в глухой, промышленной части города, за рулём одного из их безликих фургонов. Я сидел на холодном металлическом сиденье, сжимая в руках компактный тактический топор. Он был удивительно тяжелым. Каждый грамм его веса казался материализованной тяжестью того выбора, который я сделал, отдавая паспорт огню. Рукоять впивалась в ладонь, напоминая: пути назад нет.

Никита, сидевший рядом за рулем, на удивление, снял маску. В полумраке салона я увидел его лицо – неожиданно молодое, с живыми, уставшими карими глазами и старым шрамом над бровью, похожим на след от рикошета.

– Первый раз – всегда дерьмо, – сказал он, не глядя на меня. Его голос без маски звучал иначе – более открыто, с легкой, привычной хрипотцой. – Руки трясутся, в горле пересыхает, а в голове – цирк уродов, где каждый клоун задаёт свой идиотский вопрос. Это норма.

Я молчал, глядя на свои пальцы, побелевшие от силы хватки. Он был прав. Внутри меня бушевала буря, тихая и разрушительная. «Кто ты такой, чтобы вершить суд? Тот, кто не смог

защитить даже себя? Ты думаешь, станешь сильнее от того, что убьешь? Ты просто меняешь одну слабость на другую, более чудовищную. Бабушка... она молилась за твою душу. А ты что с ней делаешь? Превращаешь в черный уголек, в пепел...»

– Я... не уверен, – с трудом выдавил я, и слова повисли в воздухе, пахнущем бензином и пылью.

– В том, что этот ублюдок заслужил? – Никита фыркнул, резко поворачивая руль. – Послушай, «Молот». Два дня назад. Девочка, восемь лет. Выжила, если это можно назвать жизнью. Он сломал её, понимаешь? Не только кости. Он украл у неё небо, солнце, доверие к миру. И у него уже была судимость. Система дала ему два года условно. Условно! Он вышел и сделал это снова. Гарантия сто процентов. Он не остановится.

– Я не об этом! – голос сорвался, став выше, почти до визга. – Я... смогу ли я? Посмотреть в глаза... и сделать это?

Никита на секунду повернулся ко мне. Его взгляд был не суровым, а устало-оценивающим, будто он видел эту сцену в сотый раз.

– Ты думаешь, у нас тут все супермены с титановыми яйцами? У Марка, того, что высокий, как шкаф, дочь изнасиловали и убили. Суд оправдал подозреваемого «за недостатком улик». У Лексы, нашей «Тени», семью в машине сожгли мажоры-наркоманы. Отцы откупались. У каждого здесь есть свой личный «Молот», который пришел однажды и сломал жизнь вдребезги. Наша боль – это не оправдание, это топливо. А ярость – единственный инструмент, который у нас остался. Ты либо используешь его, либо она сожжет тебя изнутри дотла. Третьего не дано.

Он резко свернул в темный, заваленный мусором переулок и заглушил двигатель. Тишина навалилась мгновенно, густая и зловещая.

– А теперь слушай сюда, новичок, – его тон стал жестким, кованным, как сталь. – Сомнения – это роскошь. Роскошь, которая стоит жизней. Там, внутри, ты либо мой напарник, на которого я могу положиться, либо моя слабость, которая может нас всех убить. Понял? Выбирай. Сейчас.

Я глотнул воздух, в котором вдруг стало нечем дышать, и кивнул, чувствуя, как ком паники в горле сменяется ледящим, пустым онемением.

– Понял.

– Отлично. А теперь улыбнись под своей тряпкой, – вдруг сказал он, и в его голосе сквозь металл прорвалась знакомая, почти безумная веселость. – Представь, как этот ублюдок обделается, когда из темноты выйдут два таких чертовски харизматичных красавца, как мы. От этого мира станет хоть на одну крупину меньше дерьма. В этом и есть наш, блядь, позитив. Единственный, что у нас есть.

Это было чудовищно, кошунственно и цинично до головокружения. Но почему-то именно это неуместное, похабное слово «позитив», прозвучавшее в гробовой тишине перед возможной смертью, заставило что-то внутри меня щелкнуть. Не стало легче, но появилась точка опоры. Острый, кривой гвоздь, за который можно зацепиться, чтобы не упасть.

Мы вышли из фургона. Двое других членов «Дельты» уже ждали у запасного входа в обшарпанную, пропахшую нищетой пятиэтажку, как безмолвные тени. Никита снова натянул маску, и его лицо растворилось в безликой пепельной маске. Он коротким, отточенным жестом показал: «За мной».

Я последовал. Шаг за шагом. Глуша последние вопли разума током адреналина, позволяя вести себя голосу этого странного нового друга-соблазнителя, который за несколько минут успел побыть и исповедником, и диктатором, и клоуном.

Дверь в подъезд была взломана заранее. Мы вошли внутрь, в царство затхлости и отчаяния. Где-то наверху, за одной из этих дверей, жил монстр. И мы поднимались к нему. А я все

еще не знал, кем стану, когда эта дверь откроется – охотником, тенью, или просто еще одним чудовищем в серой маске.

Лестница казалась бесконечной. Каждый шаг отдавался гулким эхом в моей голове, смешиваясь с бешеным стуком сердца. Воздух в подъезде был спёртым, пах мочой, плесенью и чем-то ещё – страхом, который, казалось, впитался в самые стены.

Никита двигался впереди бесшумно, как призрак. Он не оборачивался, но я чувствовал, что он знает о каждом моём шаге, о каждой предательской дрожи в руках. На площадке третьего этажа он замер, прижав палец к губам под маской – сигнал тишины.

«Я не могу этого сделать. Я должен развернуться и бежать. Бежать куда угодно. Это не я. Я тот, кто покупает хлеб, кто навещает бабушку в больнице... Нет. Того парня больше нет. Он сгорел в той квартире вместе со своим паспортом. А что осталось? Пустота. И эта пустота сейчас сжимает топор».

Мысли метались, как затравленные звери. Я вспомнил запах бабушкиных пирогов, её тёплую, морщинистую руку на своей голове. «Прости меня, бабушка. Я не нашёл другого выхода. Мне некуда больше нести эту боль». А потом – пустую кровать в больнице, сломанный пол в квартире. Ту самую, всепоглощающую пустоту.

Никита, словно угадав мой внутренний диалог, слегка повернул голову. Его шёпот был едва слышен, но чётко, как удар:

– Дыши, братан. Вдох-выдох. Он просто мусор. Мы здесь как санитары. Убираем мусор.

Он говорил это с такой простой, почти бытовой уверенностью, что это на секунду приглушило панику. В его тоне не было пафоса, только холодная констатация факта.

Мы поднялись на пятый. Последний. Дверь в квартиру 62 была облезлой, с номером, висящим на одном гвоздике. Из-за неё доносился приглушённый звук телевизора.

Двое других из «Дельты» заняли позиции по флангам, приготовив шумоподавляющие пистолеты. Никита жестом показал на меня, а потом на дверь. «Ты со мной».

Он достал отмычку. Его движения были быстрыми и отточенными. Тихий щелчок – и замок сдался. Перед тем как толкнуть дверь, он вдруг обернулся ко мне и он подмигнул сквозь прорезь в маске.

– Готовсь... Поехали. Улыбайся, мусорщик.

Дверь распахнулась.

Вонь ударила в нос – простроченный фастфуд, немытое тело и что-то химическое. В зале, освещённом мерцающим экраном старого телевизора, на засаленном диване сидел крупный мужчина. «Молот». Он смотрел какой-то дешёвый боевик и потягивал пиво из бутылки.

Увидев нас, он замер. Его глаза, маленькие и свиньи, расширились от непонимания, а затем – от животного страха. Он не крикнул «Кто вы?». Он понял. Понял всё с первого взгляда на наши серые маски и молчаливые фигуры.

– Нет... – только и выдавил он, отступая к стене, роняя бутылку. Пиво разлилось по грязному ковру тёмным пятном.

Никита сделал шаг вперёд. Его осанка изменилась – он стал больше, заполнил собой всё пространство комнаты.

– Приговор приводится в исполнение, – прозвучало без эмоций, как чтение протокола.

В этот момент я увидел его. Не «Молота», не монстра. Испуганного, тучного, потного человека. И что-то во мне дрогнуло. «Он просто человек. Жалкий, испуганный...» Рука с топором задрожала сильнее. «Я не могу. Я не могу!»

Никита, не поворачиваясь, тихо сказал мне, и в его голосе не было ни веселья, ни суровости. Была лишь абсолютная, стальная поддержка:

– Смотри. Смотри на него. Это не человек. Это последнее, что видел тот ребёнок. Это боль в глазах её родителей. Это – причина, по которой мы здесь. Держись, новичок. Просто держись.

Один из «Дельты» молча и быстро заблокировал единственное окно. Другой начал обыск комнаты, извлекать флешки, телефон.

«Молот» попытался сделать выпад, дикий, отчаянный. Но Никита был быстрее. Один резкий, точный удар – и тот с хрипом осел на колени, схватившись за горло.

И тут всё изменилось. Что-то щёлкнуло. Не громко, а внутри, в самой глубине моего сознания. Это был не голос совести, не ярость. Это был тихий, безразличный щелчок выключателя. словно та последняя, хрупкая перегородка, что отделяла Игоря от Пустоты, рухнула.

Я не думал. Не вспоминал бабушку, не вспоминал боль. Я увидел лишь этого человека на коленях, этого «Молота», и в его глазах не было раскаяния – был только животный, эгоистичный страх за свою шкуру. И в этот миг он окончательно перестал быть человеком. Он стал просто объектом. Проблемой. Мусором.

Моё тело двинулось само. Без команды, без эмоций. Шаг вперёд. Короткий, экономичный замах. Топор в моей руке внезапно показался не тяжелым, а продолжением руки, идеально сбалансированным инструментом. Я не целился. Я просто действовал. Рука сама знала, куда ей опуститься.

Удар. Глухой, влажный звук, который навсегда впечатался в память. Не крик, не стон – именно этот звук. Звук разрезаемой плоти и ломающейся кости. Звук окончательности.

Я не чувствовал ничего. Ни торжества, ни ужаса, ни отвращения. Только странную, ледяную пустоту. Я сделал шаг назад, глядя на результат. Мои руки не дрожали.

Никита закончил. Он повернулся ко мне. В его глазах, видимых сквозь прорезь, не было ни торжества, ни отвращения. Была лишь усталая тяжесть сделанной работы, и... может, крошечная доля уважения.

– Всё, – коротко сказал он. – Первый раз – самый тяжелый. Пойдём.

На обратном пути, в трясущемся фургоне, я молчал. Но теперь это было другое молчание. Не потерянное, а переваривающее. Я смотрел на свои руки. На крошечные брызги, которые я ещё не смыл. Они больше не дрожали.

Никита снова снял маску и протянул мне бутылку с водой.

– Живой? – спросил он просто.

– Живой, – ответил я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидал. Он был чужим. Спокойным.

– Ну и отлично, – он хмыкнул и запустил двигатель. – Завтра будет проще. А послезавтра, глядишь, и пошутить над этим сможешь. Всё познаётся в сравнении, братан. По сравнению с уединением в пустой квартире... даже ад может показаться гостеприимным. Особенно если ты в этом аду не один.

И впервые за долгие недели я почувствовал, что эти слова – не просто пустой звук. Я пересёк черту. Я стал другим. И в этой крошечной тьме, в которую я шагнул, возможно, нашлось нечто, отдаленно напоминающее свет. Или, по крайней мере, руку товарища, готового пройти через эту тьму рядом. Руку, которая уже не отпустит.

ГЛАВА 5: Новое Имя

Проснулся я не в квартире-склепе, а в спартанской казарме «Экзорцистов» – в бывшем цеху, заставленном армейскими койками. Первое, что увидел – Никиту, точившего на точильном станке длинный керамбит. Искры разлетались во все стороны, как его собственные, невысказанные мысли.

– Очнулся, Призрак? – бросил он, не отрываясь от работы. Голос был хриплым от утренней сигареты.

Я сел на койке, потирая виски. В голове стоял тяжёлый гул, будто после долгого запоя. Но это было похмелье иного рода – моральное, выворачивающее душу наизнанку.

– Почему «Призрак»?

– Потому что ты и был призраком. Ходил, дышал, но не жил. Тебя никто не видел. Даже ты сам. – Он выключил пронзительно воющий станок и наконец повернулся ко мне. – С сегодняшнего дня это твоё имя. Можно сказать, ты окончательно умер. Поздравляю.

Он подошёл и швырнул мне на койку чёрную, плотную футболку. На груди алело то самое, уже знакомое клеймо: «ЭКЗОРЦИСТ».

– Надевай. Это твой саван. И твоя униформа. Ты был рабом, брат. Рабом кредитов, рабом работы, которую ненавидел, рабом системы, которая велела тебе сидеть смирно в своей клетке и потреблять. Поздравляю, сегодня твой день освобождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.